

Георгий Вернадский: Историк в революции, «революция» в историке, историк о революции.

Мне уже приходилось рассуждать о феномене Георгия Владимировича Вернадского¹. Не хотелось бы излишне эксплуатировать этот образ, но не могу не отметить наличие ещё и «феномена в феномене». Речь идёт о феномене «Вернадский и революция», что само по себе не столь уж и удивительно, если учесть масштабы личности и характер включённости её в эпоху. Сразу хочу отметить, что феномены эти (возможно выявление и ещё ряда локальных) можно уловить, если удастся мобилизовать богатейшие материалы о Вернадском и его творчестве, которые хранятся в библиотеках и архивах по обе стороны океана. Я постарался это сделать в книге, которая подготовлена к печати². К докладу весь этот материал привлечь, к сожалению, невозможно.

На то, чтобы стать революционером Георгий был «обречён» самим своим происхождением, той социальной средой, в которой он взрастал. Как хорошо сказал А. Ю. Бондарь, автор интересной диссертации о Георгии-революционере: «...Никогда не будет лишним подчеркнуть то, что самые громкие имена освободительного и конституционного движения, а затем и кадетской партии, составили ближайшее окружение (в самых разных отношениях) Г. В. Вернадского»³. Кстати говоря, сам Бондарь явно перегнул палку, стремясь изобразить Георгия завзятым либеральным деятелем и революционером. Наверное, к этому Бондаря толкнуло сам характер избранной им для диссертации темы. Между тем, «революционность» Георгия преувеличивать не стоит. «Либерально-революционная» активность будущего выдающегося историка приходится на студенческие годы.

Она по-своему интересна и даже разнообразна. Зимой 1905 – 1906 гг. он вместе с друзьями активно участвовал в компании помощи голодающим, работал в Крестьянском союзе. Работа была громадная. В начале Георгий провёл анализ состояния крестьян в деревнях Моршанского уезда Тамбовской губернии. Были составлены списки тех, кто нуждается в помощи, затем Георгий перешёл к сбору средств и организации столовых. Было создано более десятка столовых, в архиве сохранились счета, ведомости и другие документы. Однако уже вскоре департамент полиции просит объявить профессору Московского университета Вернадскому, что его сын Георгий арестован за участие в противоправной пропаганде среди крестьян в столовых. У Георгия требовали получить разрешение на открытие столовых – он такого распоряжения брать не желал и, скрепя

сердце, был вынужден свернуть свою деятельность. Столовые, открытые без разрешения властей, были закрыты, а папе пришлось подключить свои личные связи для того, чтобы выручить сына из лап полиции.

Георгий посещал митинги, что иной раз оборачивалось курьёзом. Один из таких случаев описал А. А. Корнилов: «Декабрьскому восстанию в Москве предшествовало большое собрание в большом театре “Аквариум”. Туда собрались идти Георгий Вернадский и его товарищ Шик. Они нарядились в полушубки и захватили с собой револьверы. Наташа Вернадская очень была недовольна и старалась отговорить сына. Я тоже было попробовал, но пришлось уступить. Скоро, однако, они вернулись, но вернулись весьма сконфуженные. Оказалось, что револьверы они бросили, т.к. при выходе с митинга всех обыскивали солдаты. Этот случай послужил для них примером»⁴.

Но всё-таки Георгий, как ко всему в жизни, относился серьёзно и к революции. С 1906 по 1908 гг. Георгий был, пожалуй, самым активным «политиканом» в своей долгой и насыщенной событиями жизни. Больше всего настрою молодого человека соответствовала кадетская партия, и он вступил в студенческую фракцию этой партии. Кадетскими интересами и настроениями Георгий проникся весьма глубоко и для дела партии на своём уровне сделал немало. Причём, сражался он и пером, его работа в жанре обличительной статьи впечатляет: он заядло гвоздит наше главное зло – бюрократию⁵. Не оставляла студента без внимания и охранка. В январе 1907 г. его вновь арестовали за распространение агитационной литературы партии народной свободы на Смоленском бульваре в Москве. В течение нескольких последующих лет его имя регулярно появляется в документах охранки.

Последний всплеск революционной активности у историка был в связи с Февральской революцией. Дело было уже в Петрограде, где Георгий работал помощником секретаря ЦК партии – того же Корнилова. У Корнилова от перенапряжения случился удар, и Георгий занимался его лечением, даже возил в Кисловодск в санаторий⁶, одновременно вместе с В. А. Оболенским выполняя обязанности секретаря ЦК партии кадетов. Георгий часто бывает в кадетском клубе: «С утра до вечера занят по горло на Французской набережной. Чувствую, что дело нужное и живое, и работой увлекаюсь»⁷. С его лёгкой руки Корнилов поправился и снова стал заниматься политической деятельностью. Ну, вот, пожалуй, и вся революционная деятельность моего героя. Продолжал, правда, сражаться и пером. Причём, о брошюре, посвящённой П. Н. Милюкову, потом жалел⁸. Это даже вызвало недоумение в скудной литературе о Вернадском⁹. Но Георгий сам всё разъяснил: «Милюков заострил своё отношение к царской семье. Я почувствовал, что я не политик, что мне неприемлемо такое жестокое

отношение к людям “старого режима”, и, вообще, к людям, как пешкам в политической игре»¹⁰. Тут, вроде не убавить, не прибавить: морально-нравственное состояние Георгия не совмещалось с революцией. Но можно ещё вспомнить Козьму Пруткову: «Ему чужды любви и страсти позолота, его влечёт научная работа». Любовь к революции, явно не уживалась со страстью к науке, и эта страсть полностью победила.

Во всяком случае, служа уже в Пермском университете, работая над диссертацией и защищая в Петрограде эту диссертацию прямо накануне Октябрьского переворота, наш историк попросту не заметил этого эпохального события. Впрочем, в этом он был, судя по всему, не одинок. Потом ему вместе с женой пришлось скрываться от большевистских «органов» в пермской глуши. Потом переезд в Киев, а оттуда довольно быстро в Крым, где была не только научная и преподавательская деятельность в Симферопольском университете, но и служба начальником отдела печати в правительстве П. Н. Врангеля. Российская эпопея закончилась эмиграцией, которую сам историк горестно именовал «экспатриацией». От Босфора до Восточного побережья США пронёс Георгий ненависть к большевизму. Собственно, это была не ненависть, поскольку Георгий был чрезвычайно мягким и добрым человеком, и вряд ли мог ненавидеть. Скорее это был страх за любимую Россию, боязнь того, что могут с ней сотворить большевики. К судьбам страны он в 20-е годы относился крайне пессимистично, в отличие от своего друга М. М. Карповича, который нашел его своими письмами в Афинах, живя уже несколько лет в США¹¹.

И вот, уже, будучи сотрудником одного из престижнейших вузов Америки, на протяжении 30-х – 40-х годов Георгий Вернадский переживает интересную эволюцию. Можно сказать, что революция жила в его душе и проводила подспудную работу. Он силится понять причины революции, определить место и значение «послереволюционной» эпохи. Я не хочу сказать, что он только этому посвящал свою жизнь. Вернадскому было чем заняться: он выдающийся исследователь Средневековья. Но как русский, покинувший страну уже сформировавшимся человеком, как дворянин, как учёный, воспитанный в рамках двух самых великих русских исторических школ: московской и петербургской, он не мог не размышлять о революции.

От неприятия Советской России, её резкого отторжения историк всё больше приходил к осознанию закономерности появления этой стадии российской государственности. Советская Россия оказывалась продолжением предшествующей ей Имперской России, пусть и с определенной, иной раз ярко выраженной спецификой. Осознание это нарастало постепенно, а международное напряжение, переросшее в страшную мировую бойню, превращало это осознание в убеждение. Тем более, что в

войну историк стал сражаться за свою Россию, используя в качестве оружия свои знания, навыки и талант.

К концу войны патриотизм его достиг апогея. К этому времени они, как бы поменялись местами с Карповичем. Если во время гражданской войны Карпович, ненавидя большевиков, верил в Россию, а Вернадский проявлял скепсис, то теперь, наоборот, Карпович разуверился в России, отказывался видеть в Советской России до тех пор, пока она находится во власти тоталитарного режима, силу, способную дать Европе и человечеству политику свободы и социальной правды. Он принадлежал к той группе эмиграции, которую Н. А. Бердяев обвинял в «англо-американском интернационализме». Отводя от себя обвинения, Карпович писал, что советский строй – не осуществление, а извращение социализма и что поэтому распространение советского строя за пределы России ничего, кроме вреда, социальному переустройству мира не принесёт. России необходимо предварительное внутреннее её освобождение¹². Карпович выражал опасение, что тоталитарные и полицейские режимы могут в Европе занять место немецких завоевателей¹³. При всём моём пиетете к Вернадскому должен сказать, что его друг проявил большую проницательность. Он как будто предвидел и создание «лагеря социализма», и то, что Россия будет поддерживать кровавых диктаторов, лезть в Эфиопию, Афганистан и т.д.

А Вернадскому пришлось отступить или, как сказал бы советский учёный А. Б. Панченко, «эмигрировать в Древнюю Русь». Эта эмиграция внутри эмиграции была, конечно же, нелегка, историк погружался в неё постепенно. Как отметил Ч. Дж. Гальперин, и своими работами в области древней и средневековой истории он доказывал, что Россия знала свободу, что она не была восточной деспотией. Но ситуация усугублялась ещё и тем, что историк чувствовал: в его России далеко не всё так хорошо, как вещала официальная советская пропаганда. Это делало его положение ещё более сложным.

И такая сложная, эволюционирующая и изменяющаяся гамма чувств определяла исследовательский дискурс «Вернадский о революции». К изучению этой стороны творчества Вернадского осуществлены только первые подступы¹⁴. Похоже, что историк одним из первых (если не первый, вообще) подверг революцию, да и «послереволюционный» период непредвзятому научному исследованию. Сначала самой революцией он заниматься не хотел. В своей неприязни к современности он был не одинок. М. Раев обратил внимание на особый психологический настрой русских историков-эмигрантов. На их глазах произошли столь глобальные потрясения (Первая мировая войны, революция 1917 г., братоубийственная бойня), что осмыслить их, даже

специалисту, было очень и очень трудно. Еще сложнее было понять истоки этой катастрофы, осознать ее глубинные причины. Вот почему историки всячески уходили от современности¹⁵.

Но надо было утверждаться в научной жизни США, а тема была, как теперь говорят, «в тренде». Уже знаменитый в будущем «короткий Вернадский», вышедший в 1929 г., доводил обзор событий до 1928 г. Затем последовала довольно взвешенная книга о Ленине, которая переведена и издана у нас в постперестроечное время¹⁶ и книжка о революции¹⁷, переведенная в Китае. Осознать революцию в этот период помогала евразийская теория. В 1934 г. в Берлине вышел «Опыт истории Евразии»¹⁸. Глава, посвящённая Советской России, так и называлась: «Евразия советская 1917 – 1933 гг.».

Многие проблемы историк ставит в лишь недавно опубликованной статье «Парадоксы большевизма», в мало известной у нас книге «Политическая и дипломатическая история»¹⁹. Присовокупим сюда ещё многочисленные рецензии, которые историк публиковал постоянно, а также интересные лекции, которые историк читал в Колумбийском университете (я их использую в книге, подготовленной к печати, но они, к сожалению, не опубликованы) – у нас получится достаточно широкий круг сочинений.

Если попытаться кратко определить основное направление исследовательской мысли историка, то, это, во-первых, стремление понять причины революции, а, во-вторых, найти место «послереволюционной» эпохи в истории России и мира. Мне представляется, что в понимании причин, он нашёл золотую середину между «оптимистами» и «пессимистами», между «клиотерапевтами» и «клихирургами» (или, может, «клиопатологоанатомами?»).

В открытой лекции, прочитанной 2 октября 1944 г. он в очередной раз подверг сомнению мысль о том, что русская революция – прямое следствие русской отсталости. Было несколько причин революции – некоторые более значимые, другие – менее. Элементы отсталости и элементы автократии и политического угнетения могут числиться среди причин революции, но это не главные причины.

Россия быстро двигалась вперёд, но не было координации между различными аспектами российской жизни. В частности, политическая организация была далеко позади экономического и культурного развития страны, а политическая практика всё больше отставала от практики Западной Европы²⁰. Острое различие наблюдалось между городом и деревней: русская жизнь в городах была достаточно современной. В «Политической и дипломатической истории» он писал так: «Если реформы пытались создать буржуазное общество, то крестьянская основа российской социальной структуры может быть названа

социалистической. Это противоречие стало основной причиной последующей революции»²¹. Такие диспропорции приводили к отсутствию единства в человеческой ментальности и ещё больше обостряли политические, экономические и культурные различия между различными группами российского общества. Скорее всего, «наиболее фатальным фактором в России было расхождение между различными классами населения в культурном развитии»²².

Ещё одна самобытная черта – подавление творческой активности русского народа, который видел отсталость политического режима и гневался. Другими словами русская «революция» – одна из тех конструктивных «революций», главная причина которой элементарный культурный рост населения, не позволяющий населению мириться с реальностью вокруг него²³.

Уже в лекции пражского периода, которая так и осталась неопубликованной, он говорит о двух современных ему подходах к периоду императорской России. Иван Гримм считает, что всё было хорошо, Н. Трубецкой – наоборот, что всё надо было перестроить. Историк и ту, и другую точку зрения считает крайностью: если бы всё было хорошо – не могло бы так быстро сокрушиться, а, если бы всё было плохо – не могло бы так долго существовать. Были в России, наряду со слабыми сторонами и живые действенные силы, были у неё «десница и шуйца» (в переводе со старославянского: правая и левая руки).

Это были армия, построенная Петром и наука, искусство, культура. Всё это было основано на гармоничном сочетании Церкви и Государства. «Злые силы, приведшие в конце концов к революции, и есть отмена патриаршества и вообще отношение государства к Церкви». Борьба между никонианами и староверами болезненно отразилась на народной психологии и ослабила русскую церковь. Этим самым подготовлена была почва для реформ Петра Великого. Вместе с идеологией расшаталась и воля к власти и победе, а с ними самые основы государства²⁴.

Ещё одна из непосредственных причин – Первая мировая война. Россия не сдала этот тест и тут опять вечные российские противоречия. Вот, например, флот к 1914 г. с технической точки зрения был на очень высоком уровне²⁵, но он не сыграл той роли, которую мог сыграть. А роль сыграли: недостаточность организации экономики, политическая пропаганда, которая началась задолго до войны, конфликт между Царем и Думой. Последний конфликт был одной из наиболее прямых причин. Ни одна страна не пыталась в разгар войны не просто менять своё правительство, но менять и форму правительства, конституцию. Это привело к деструктивному этапу русской революции. Была и «конструктивная» – сталинская революция сверху. Историк постоянно призывал

учитывать ещё и международные аспекты революции. Разве можно понять революцию, не учитывая мощное воздействие идей «Красного Интернационала»²⁶.

Так вот именно «революция сверху» во главе с новым вождём и создала Советскую Россию. Большевизм совершил, казалось бы, немислимый кульбит от интернационализма к национализму и становится защитником русских национальных интересов. Не отвергнув Коммунистический Интернационал, Советский Союз оказался членом Лиги Наций как национальное государство. Историк придаёт большое значение различиям в политике между Лениным и Троцким, с одной стороны, и Сталиным – с другой²⁷. В области экономики на смену «раннему режиму анархического коммунизма» пришла система государственного социализма (или государственного капитализма). Хотел бы обратить внимание на эту прозорливость историка, который уже в первой половине 30-х гг. осознал, что то, что формируется в России, мало общего имеет с притягательной для многих утопией под названием «социализм».

---

¹ Дворниченко А.Ю. From US with love and care: феномен Георгия Вернадского // Клио. Журнал для учёных. Издательство «Полторак». СПб. 2013, №12(84). С. 135 – 138.

² Дворниченко А. Ю. Русский историк Георгий Вернадский: путешествия в мире людей, идей и событий (в печати).

³ Бондарь А. Ю. Общественно-политические взгляды и деятельность Г. В. Вернадского. Канд. дисс. М.: Росс. Унив. Дружбы Народов, 2001 (научный руководитель к.и.н. Р. А. Арсланов). С. 30.

⁴ Корнилов А. А. Воспоминания // Вопросы истории. № 5. 1994. С. 121.

⁵ Вернадский Г. В. Разложение бюрократии // Новое время. № 21. Май, 1995. С. 44 – 45.

⁶ Вернадский Г. В. Русская историография. М.: «Аграф», 1998. С. 306.

⁷ Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 367. Письма Вернадского Георгия Владимировича жене Вернадской Н.В. Лл. 137 – 139.

⁸ Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). George Vernadsky Papers (GVP). Box (B). 97. Folder (F). 3. Из воспоминаний детства и отрочества. С. 19 – 22, 27.

⁹ Halperin Charles J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1985. Otto Harrassowitz. Wiesbaden. Bd. 36. P. 64.

¹⁰ BAR. GVP. B. 97. F. 3. Хронологическая канва моей жизни. Ч. I. (1887 – 1917). С. 83.

¹¹ Письма М. Карповича Г. Вернадскому / Публикация, прдисловие и комментарии М. Раева // Новый журнал. 1992. Кн. 188. С. 268, 270.

¹² Карпович М. М. После победы // Новый журнал. Кн. 10. 1945. С. 371 – 373.

-
- ¹³ Письма М. Карповича Г. Вернадскому / Публикация, предисловие и комментарии М. Раева // Новый журнал. 1992. Кн. 188. С. 260.
- ¹⁴ Halperin Charles J. Russia and the Steppe...; Дворниченко А. Ю. Георгий Вернадский о Советской России (к публикации статьи Г. В. Вернадского «Парадоксы большевизма») // Новейшая история России. Междисциплинарный научно-теоретический журнал. 2015. № 2. С. 101 – 132.
- ¹⁵ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919 —1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 206 – 207.
- ¹⁶ Вернадский Г. Ленин – красный диктатор. М.: «Аграф», 1998.
- ¹⁷ Vernadsky G. The Russian Revolution, 1917 – 1932. New York, 1932.
- ¹⁸ Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени. Берлин: Издание евразийцев.1934.
- ¹⁹ Vernadsky G. Political and Diplomatic History of Russia. Boston: Little, Brown & Co, 1936.
- ²⁰ BAR. GVP. В. 96. Notes taken at prof. G. V. Vernadsky's opening lecture – Oct. 2, 1944. P. 1.
- ²¹ Vernadsky G. Political and Diplomatic History of Russia... P. 317.
- ²² Вернадский Г. Ленин – красный диктатор... С. 9.
- ²³ BAR. GVP. В. 96. Notes taken at prof. G. V. Vernadsky's opening lecture... P. 2.
- ²⁴ BAR. GVP. В. 97. F. 6. Воспоминания. Афины.
- ²⁵ Vernadsky G. Review [Survival through War and Revolution in Russia. By D. Fedotoff White. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 1939] // The American Historical Review. Vol. 45. No. 1. October, 1939. P. 151 – 152.
- ²⁶ Vernadsky G. Review [Russia and Asia. By Prince A. Lobanov-Rostovsky. New York, The Macmillan Company, 1933] // Pacific Historical Review, Vol. 2, No. 3. September., 1933. P. 347
- ²⁷ Vernadsky G. Review [La Révolution russe. Par Fernand Grenard. Paris Armand Colin, 1933] // The American Historical Review. Vol. 39. No. 4. July, 1934. P. 735 – 737.